

М.В. Крестовская

Ранние грозы. Испытание.

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.В. Крестовская**
Ранние грозы. Испытание.: Том 1 / М.В. Крестовская – М.: Книга по Требова-
нию, 2015. – 419 с.

ISBN 978-5-518-01498-5

ISBN 978-5-518-01498-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РАННІЯ ГРОЗЫ

РОМАНЪ

И пошелъ дождь, и разлились рѣки,
и подулъ вѣтры, и налегли на домъ
тотъ; и онъ упалъ, и было паденіе его
великое.

Матв., гл. VII, ст. 27

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

...Въ кабинетѣ настала тишина, та мучительная, тоскливая тишина, которая всегда слѣдуетъ за какимъ нибудь тяжелымъ объясненіемъ.

Мужъ и жена продолжали еще сидѣть, по-видимому, спокойно, и въ комнатѣ слышалось только неровное дыханіе Марьи Сергѣевны.

Итакъ, все кончено!

Все, чѣмъ жили столько лѣтъ, къ чему привыкли въ эти долгіе годы, что когда-то любили...

Въ рукахъ у Марьи Сергѣевны былъ тонкій кружевной платокъ, и она нервно теребила и рвала его кружева похолодѣвшими пальцами.

Оставалось только уйти... Но почему-то именно въ эту минуту ей было тяжело это сдѣлать и она продолжала безцѣльно сидѣть на низкой, турецкой оттоманкѣ, на которую опустилась,

войдя къ мужу, для того, чтобы переговорить съ нимъ въ послѣдній разъ.

И вотъ они переговорили.

И какъ просто все вышло, гораздо легче, нежели она ожидала...

Марья Сергѣевна устало отвела глаза отъ догоравшаго камина и взглянула искоса на мужа.

Онъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ съ такимъ же все безстрастнымъ и холоднымъ лицомъ, какъ и всегда... Массивная бронзовая лампа, подъ зеленымъ абажуромъ, ярко освѣщая столъ и разбросанныя на немъ бумаги, обдавала его лицо какимъ-то зеленоватымъ свѣтомъ, придававшимъ ему еще большую блѣдность.

Марья Сергѣевна пытливо взглянула въ это лицо, точно желая прочесть на немъ что-то, но не прочла ничего.

Даже глаза, опущенные внизъ на бумаги, ничего не выдавали; только тонкая рука его, ярко освѣщенная лампой, какъ-то судорожно барабанила по столу.

И Марья Сергѣевна машинально разглядывала такъ хорошо знакомую ей руку, на которой въ эту минуту она съ необычайною ясностью видѣла каждую жилку, морщину и даже густую тѣнь темныхъ волосъ, уходившую въ глубь рукава и становившуюся къ локтю все темнѣе. А тишина и точно вынужденное, выжидающее молчаніе становились все тягостнѣе.

Она еще разъ вскинула глазами на мужа и нетерпѣливо передвинула плечами. Ея всегда сердила невозможность и неумѣнье разгадывать душу своего мужа по его лицу.

Наконецъ лѣнливо, точно дѣлая надъ собою усиліе, она приподнялась съ оттоманки и глубоко вздохнула, не то отъ усталости, не то отъ невольной грусти, и тоскливо окинула весь кабинетъ, какъ бы прощаясь съ нимъ, какъ бы невольно жалѣя, что была въ немъ въ послѣдній разъ, и вдругъ ея глаза встрѣтились съ другими, смотрѣвшими прямо на нея со стѣны кабинета изъ золоченой рамы.

Марья Сергѣевна разомъ вздрогнула, схватясь рукой за сердце.

Вотъ оно, то, что еще не переговорено между ними. Марья Сергѣевна не хотѣла сегодня касаться этого предмета, по-женски отлагая самое тяжкое до другого, хотя бы и непродолжительнаго времени. Но теперь она почувствовала, что не въ силахъ тянуть эту пытку...

Мужъ, поднявъ голову, взглянулъ въ ту сторону, куда глядѣла она, и ея ужасъ точно отразился и на немъ; молча, съ какимъ-то болѣзненнымъ выраженіемъ, глядѣлъ онъ вмѣстѣ съ женой на улыбающуюся имъ изъ рамы дѣтскую головку.

Кругленькое личико, съ обстриженными по-русски темными волосами, плутовато улыбалось имъ; точно подсмѣиваясь надъ ними.

— Наташа!—проговорила, наконецъ, Марья Сергѣевна чуть слышно, съ видимою спазмой въ горлѣ...

Павель Петровичъ отвелъ глаза отъ портрета дочери и еще угрюмѣе опустилъ голову. Онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ жены.

Она глядѣла на него молча, спрашивая его одними глазами, и, не говоря сама ни слова, казалось, требовала его отвѣта.

Кончено?! Еще нѣсколько секундъ тому назадъ она съ облегченною душой думала, что все уже кончено, все выяснено! Да развѣ выяснено хоть что нибудь, когда не выяснено самое главное, самое мучительное?!

А если онъ не отдастъ ей Наташи!

Всѣ права, и законныя, и нравственныя, на его сторонѣ, но она съ самаго рожденія своей дѣвочки привыкла считать ее своею неотъемлемою собственностью, своимъ тѣломъ, своею душой, такимъ могучимъ дополненіемъ ея собственнаго «я», безъ котораго немислимо существованіе ея самой.

И вотъ на это существо, на этого «ея» ребенка, другой человѣкъ, который отнынѣ дѣлался ей совершенно чужимъ и постороннимъ, имѣеть одинаковое право съ нею! И даже большее! Она, жена его, бросаетъ его теперь послѣ пятнадцати лѣтъ совмѣстной жизни, уходитъ отъ него, потому что полюбила другого человека. Значить, въ глазахъ свѣта и даже предъ ея собственною совѣстью правъ мужъ, а не

она, и, слѣдовательно, всѣ права на дочь остаются за нимъ и отнимаются отъ нея.

Она крѣпко прижимала холодныя, какъ ледь, руки къ своей груди, точно инстинктивно хотѣла остановить болѣзненно-учащенные удары сердца.

Неужели онъ отниметъ? неужели отниметъ? стучало въ ея головѣ.

Марья Сергѣевна безсильно опустила на стуль.

Боже мой, Боже мой, но о чемъ же она думала раньше? Все время она дѣлала выборъ только между мужемъ и тѣмъ, кого любила, — и только теперь въ первый разъ ей пришлось въ голову, что, можетъ быть, выборъ придется сдѣлать не между нелюбимымъ мужемъ и боготворимымъ человѣкомъ, а между ея собственнымъ ребенкомъ и этимъ человѣкомъ?

Вглядываясь въ лицо мужа, она чувствовала скорѣе инстинктомъ, нежели сознаниемъ, что онъ не уступитъ ей дочь легко и безъ борьбы и, тоскливо ломая руки, не сводила съ него глазъ.

— Павелъ Петровичъ... не отнимайте...

Слова путались и останавливались у нея въ горлѣ, ей вдругъ стало страшно выговорить всю фразу: что если онъ отвѣтитъ нѣтъ!

И съ этимъ нѣтъ будетъ убито все, вычеркнется самая дорогая ей страница жизни! О, быть не можетъ! Онъ добръ, она готова умолять, унижаться предъ нимъ, но она не выйдетъ изъ этого дома, пока онъ не уступитъ ей Наташи.

Марья Сергѣевна вдругъ съ судорожнымъ рыданіемъ вскочила со стула и бросилась предъ мужемъ на колѣни.

— Отдайте, отдайте ее мнѣ... ради прошлаго, отдайте!..

Она страстно ловила его руки и прижималась къ нимъ залитымъ слезами лицомъ. Павелъ Петровичъ растерянно и сконфуженно вскочилъ съ своего кресла и старался поднять ее, но она не вставала, впиваясь въ него глазами и повторяя только: «отдайте, отдайте».

— Ради Бога, Марья Сергѣевна... встаньте... къ чему это, встаньте же.

Его нервы были уже распатаны послѣдними днями, онъ чувствовалъ, что ея истерическій припадокъ заражалъ и его. Что-то душило его, и онъ, съ непривычною ему злобой, вырвался отъ нея и поднялъ насильно ее съ колѣни.

— Сядьте!—коротко приказалъ онъ.

Марья Сергѣевна, рыдая, повиновалась ему и, уронивъ голову на столъ, судорожно всхлипывала и вздрагивала всѣмъ тѣломъ. Павелъ Петровичъ неровною, точно разбитою, походкой отошелъ отъ стола и прошелся нѣсколько разъ по кабинету, искоса угрюмо взглядывая то на жену, то на портретъ дочери.

Наконецъ, вздохнувъ всею грудью и точно почувствовавъ облегченіе, онъ снова подошелъ къ столу и налилъ стаканъ воды. Его рука еще, дрожала, но лицо уже опять приняло спокойное безстрастное выраженіе. Онъ подаль стаканъ женѣ.

Она слегка приподняла голову и отклебнула нѣсколько глотковъ. Рыданія ея затихали, и она медленно успокоивалась.

Павель Петровичъ опять тихо зашагалъ по кабинету и, дожидаясь, пока всхлипыванія жены совсѣмъ затихли, подошелъ къ ней съ серьезнымъ и строгимъ лицомъ.

— Можете вы меня теперь выслушать?

Въ его всегда ровномъ голосѣ слышалась легкая дрожь. Марья Сергѣевна молча кивнула ему головой съ тѣмъ мутнымъ, безъ всякаго выраженія, взглядомъ, который всегда является послѣ истерики, и бессознательно комкала свой мокрый отъ слезъ носовой платокъ.

Павель Петровичъ, видимо старавшійся быть сдержаннымъ, началъ довольно громко и внятно.

— То, о чемъ вы сейчасъ просили, настолько серьезно, что рѣшить вопросъ сразу невозможно. Я былъ такъ слѣпъ, — онъ горько усмѣхнулся, — такъ мало ожидалъ чегонибудь подобнаго! Но... но...

Онъ тряхнулъ головой и провелъ своею тонкою красивою рукой по высокому лбу, на которомъ поминутно выступали мелкія капли холоднаго пота, что случалось съ нимъ только въ минуты самаго сильнаго волненія.

— Но рѣчь не обо мнѣ и даже не о васъ... Съ этими вопросами покончено. Я уже сказалъ вамъ, что вы свободны и что я не считаю себя въ правѣ посягать на вашу свободу. Что же касается дочери, то... я остаюсь такъ одинокъ...

Онъ остановился на мгновеніе, и въ его голосѣ что-то дрогнуло опять. Марья Сергѣевна невольно подняла на него глаза... Она чувствовала себя безконечно виноватою предъ нимъ и въ душѣ ей было глубоко жаль его. Но онъ какъ будто понялъ ея сожалѣніе и, не желая его, пересилилъ себя, заговоривъ слегка надменнымъ и даже злобнымъ голосомъ, точно этимъ онъ хотѣлъ спрятать отъ нея свою душу и свои чувства.

— Я разомъ теряю и жену, и семью... Вы не теряете ничего... — вы только мѣняете одного на другого, старое на новое и, къ тому же, новое болѣе дорогое для васъ, значить и лучшее...

Марья Сергѣевна сдѣлала легкое движеніе, точно хотѣла прервать его, но онъ замѣтилъ это и заговорилъ еще холоднѣе.

— Вы опять будете любить и будете любимы... У васъ опять будетъ и семья, и счастье, и даже, быть можетъ, еще дѣти.

Марья Сергѣевна вздрогнула и опустила глаза...

— Да, и дѣти, настойчиво и жестко продолжалъ онъ, — значить судите сами, по совѣсти, чья же Наташа по праву? Кому съ нынѣшняго дня должно быть тяжелѣе?

Онъ остановился на минуту напротивъ нея и взглянулъ ей прямо въ глаза, какъ бы ожидая отвѣта. Но она угрюмо молчала и только еще ниже опустила голову. Тогда онъ опять зашагалъ по кабинету.